

Есть песни, которые не стареют. Поют их год за годом. И всегда они находят отклик в сердцах - как, например, песня композитора Марка Фрадкина и поэта Евгения Долматовского «Случайный вальс».

Она была создана в годы Великой Отечественной войны. О ее истории я узнал от одного из авторов «Случайного вальса», народного артиста СССР Марка Григорьевича Фрадкина.

ПАМЯТЬ О ВАЛЬСЕ

- В годы войны я руководил большим фронтовым ансамблем Юго-Западного фронта, - рассказал композитор. - К нашему ансамблю был «прикомандирован» самолет-«кукурузник», который пилотировал очаровательный парень, младший лейтенант Вася Васильев. Как-то он признался мне, что влюблен в чудесную девушку. «По пути к фронту наша группа военных ненадолго остановилась передохнуть в маленьком районном городке, - поведал летчик. - Слезли с машины и вдруг слышим - музыка. Доносилась она из маленького клуба, где местная молодежь танцевала под патефон. Я до войны тоже любил танцевать. И тут в голову пришла шальная мысль: «А не тряхнуть ли стариной?!» Вижу, стоит в стороне милая девушка. Пригласил ее, и мы закужились. И так она прекрасно танцевала, такая была вся светлая, легкая, так от нее повеяло домашним уютом, что я даже о войне забыл. Не сразу услышал, как мне кричат: «Товарищ младший лейтенант, ваша машина уходит!» Еле успел сказать девушке «до свидания». Выскочил на улицу, уцепился за борт машины, и мы поехали. И вот теперь никак не могу забыть эту девушку. Знаю только, что зовут ее Зина. Напишите о встрече с ней песню. Она ее услышит и подумает: откуда этот композитор знает про меня? Напишу-ка я ему письмо. И тогда вы ей скажете: мол, мне про вас поведал Вася Васильев, полевая почта номер такой-то. Он очень ждет от вас письма. Зина напишет мне, я отвечу. И таким образом мы найдем друг друга».

Об этой истории Марк Фрадкин рассказал своему приятелю, поэту Евгению Долматовскому. Тот сказал: «Чудесная тема для лирической песни!»

Весной сорок третьего поэт и композитор оказались вместе в вагоне поезда. От Сталинграда, где наши войска одержали грандиозную победу, до Ельца, куда они с фронтовым ансамблем направлялись выступать, ехали почти семь суток. Долматовский прочитал своему другу написанное им стихотворение «Танцы до утра». Фрадкин на трофейном аккордеоне наиграл вальсовую мелодию. Так родилась новая песня.

*Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.*

На всех станциях и полустанциях Фрадкин исполнял новое произведение перед бойцами, которых переправляли в эшелонах с Волги в район, получивший позже название Курская дуга.

Вскоре песня прозвучала по радио, стала очень популярной. Ее запели и в тылу, и на фронтах.

- Прошло месяцев десять, - говорит Марк Григорьевич, - и вдруг получаю письмо... от Зины. «Какие вы, творческие люди, все пронизательные, - писала девушка. - Как вы могли так правдиво жизнь подглядеть?! Ведь и у меня был такой случай». И она называет тот самый городок, о котором рассказывал летчик. Мы с Долматовским бросились искать Васю Васильева. Выяснилось, что он уже служит в истребительной авиации, о которой всегда мечтал. Нашли его полк, и там нам сообщили грустную весть - в тяжелых боях Вася Васильев погиб.

Не нашли друг друга Вася и Зина. А песня о их любви осталась... И на всех фронтах дарила людям надежду на встречу с любимыми.

Юрий БЕЛКИН

БЛАГО ТВОРИЛИ ВСЕМ МИРОМ

Николай Степанович Спасокукоцкий, доктор медицины, терапевт, жил в обыкновенном доходном доме на Большой Лубянке, где и принимал больных. Он не имел отношения к педиатрии, зато состоял председателем совета Славянского вспомогательного общества и по совместительству заведовал сербским консульством. Дел хватало, тем не менее доктор находил время выступить на заседании Московской городской думы о судьбах детей «в уличных джунглях». Да, в Москве формально все обстоит неплохо, но: нельзя почитать благополучным и тем более процветающим город, на улицах которого существуют беспризорные дети. Благополучие такого города мнимое, а процветание не служит людям, но только тем единицам, чье богатство множит людские страдания.

Речь шла не о куске хлеба. Одна из самых богатых столиц Европы, Москва детского голода не знала. В любом полицейском участке маленькие москвичи могли рассчитывать на тарелку щей с гречневой кашей, кусок ржаного хлеба и ложку подсолнечного масла. Более 120 обществ, комитетов и попечительств занимались в столице их судьбами. При этом никакого административного согласования, взаимоподчинения и даже пресловутого обмена опытом не существовало. Каждая группа единомышленников строила свою ячейку в общих сотах. Лишь бы ни один ребенок не оставался без еды и крова.

Главной представительной ячейкой служило «Благотворительное общество попечения о беспризорных детях» при управлении московского градоначальника, которое лично градоначальник и занимал. А рядом почти при каждой приходской церкви существовали попечительства во главе с настоятелями храмов. Одни - скромные, с бесплатной церковно-приходской школой, крохотной богаделенкой на 6-8 мест и таким же детским приютом, другие - очень состоятельные и опять-таки обращенные к детям. Созданное в память избавления их императорских величеств от опасности при крушении царского поезда 17 октября 1888 года Иоакиманское церковно-приходское попечительство у одноименной церкви на Малой Якиманке располагало хорошей бесплатной библиотекой. При церкви Спаса Преображения в Малом Болвановском переулке попечительство имело целую программу: «оказывать помощь живущим в приходе многодетным семьям выдаче единовременных и ежемесячных пособий как деньгами, так натурой, и вообще проявлять, по мере расширения средств, различные благотворительные действия в

пределах прихода - например, устройство бесплатных квартир для бедных родителей, приютов, школ для бедных и т.п.».

В самом центре, в здании Исторического музея, находилось «Общество попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях Москвы». Его двери открывались ранним утром и закрывались поздним вечером. Высочайшей покровительницей общества состояла великая княгиня Елизавета Федоровна, реальным руководителем и председателем - княгиня Софья Александровна Голицына, супруга штаб-майстера высочайшего двора, управляющего Воспитательным домом. Хотя для Москвы более близким было имя товарища председателя - окружного военного инспектора Московского военного округа Василия Петровича Миртова, который многие годы вел прием в бесплатной городской поликлинике для малоимущих.

И это не исключало существования небольших, по районам, самостоятельных попечительств, как, например, Симоновского пригородного попечительства о бедных. Его председатель - одна из типичных фигур в благотворительности Москвы начала прошлого века. По основному роду своих занятий Николай Андреевич Шамин - торговец меховым товаром и владелец скорняжного заведения. К числу тузов не относился. Заведение его находилось на Новоселенской улице, на окраине, что не мешало ему быть гласным городской Думы, представителем городского управления по квартирному налогу... список длинный. При этом старшина скорняжно-меховой управы находил время для многих попечительств о бедных детях как на воле, так и в тюрьмах. Его супруга Клавдия Ивановна, имевшая диплом домашней учительницы, была также деятельным членом Общества призрения сирот и брошенных детей, попечительницей летнего санатория детей, больных туберкулезом.

Особенностью московских благотворительных учреждений было то, что они, как правило, обходились без штатных служащих. Всю текущую повседневную работу, вплоть до ежедневных приемов просителей и осмотра их жизненных условий, проводили сами. Считалось недопустимым тратить собираемые средства на делопроизводителей. Главное - самим убедиться, что человеку нужна помощь. Это помогало не опоздать и не быть обманутым. «Призри на мя и помилуй мя» - слова псалма были девизом этой кропотливой и неприметной работы.

Время показало, какой неуместной была ирония газетчиков над пресловутыми дама-

ми-благотворительницами. Можно смеяться над названием «Дамского попечительства о бедных», гораздо сложнее оценить результаты деятельности всех 18 его отделений. В ведении Мясницко-Басманного отделения, что находилось на Патриарших прудах, была богадельня для престарелых женщин, амбулатория для приходящих взрослых и детей, ясли для малолетних. Лефортовское отделение славилось превосходно поставленным больничным отделением, который возглавлял известный московский врач-акушер И.К. Юрасовский. Первое Пятницкое отделение имело приют для слепых девочек в Старо-Монетном переулке, второе отделение - Убежище Св. Марии для неизлечимо больных и слабоумных детей.

Еще большими возможностями располагало Городское попечительство о бедных, в каждом из десятков отделений которого имелись многочисленные детские заведения. Например, Арбатское отделение располагало несколькими детскими приютами - на Новинском бульваре, в Палашевском переулке, на Большой Полянке... А еще имелись дешевые квартиры на Малой Бронной, бесплатные квартиры для семейств запасных солдат в Богословском переулке, столовая для выдачи трехразового питания для детей.

Мещанское отделение 1-го участка, располагавшееся в Сухаревой башне, имело приют на 70 девочек и учебно-ремесленную мастерскую в Сокольниках, где принимали «заказы на дамские платья, костюмы, белье и всевозможные художественные вышивки и изящные рукоделия». Здесь же существовали отделения биржи труда и юридические консультации. А при Хитровском отделении имелось паспортное бюро, позволявшее восстанавливать людей в правах. Но самого большого размаха достигли бесплатные столовые для детей, которые в «трудных» районах вроде Пресни насчитывали до 250 питомцев каждая и медицинское обслуживание. «Крыша над головой, сытый желудок и удовлетворенное любопытство» - так представлял себе задачу общественных опекунов председатель одного из пресненских участков, служащий городской управы П.А. Рождественский.

О жизни большого города нередко говорят: «каменные джунгли». Но нет, старая Москва джунглями не была. Здесь многое делали, чтобы дети из малообеспеченных семей не теряли веры в свои силы, в возможность достойно устроить свою судьбу. Взрослые старались помочь им выжить свою «неповторимую личность, обрести интересы не в подражании, а в самопознании», по выражению замечательного педагога Дмитрия Тихомирова. Видеть разом весь город, приходил к нему на выручку трудом и деньгами - когда-то это был общий московский принцип.

Нина МОЛЕВА,
профессор,
доктор исторических наук

ТАМ, ГДЕ ГЕРАСИМ УТОПИЛ МУМУ...

«В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолями и покосившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней». Так начинается знаменитый рассказ И.С. Тургенева «Муму». Прогуляться по тем самым местам можно и сегодня...

«В одной из отдаленных улиц Москвы» - этого для поиска явно недостаточно, но у Тургенева есть и более подробные ориентиры. Вспомним, когда через год после женитьбы пьяницы Капитона на прачке Татьяне, которую любил Герасим, барыня отправляет «молодых» в одну из своих деревень, «Герасим зашагал за телегой, на которой сидела несчастная Татьяна». «Он хотел проводить ее до заставы, ...но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки».

Крымский брод на Москве-реке в том самом месте, где ныне Крымский мост. В паре сотен метров от берега проходит улица Остоженка, где и поныне стоит серый дом с колоннами, на фасаде - мемориальная доска «В этом доме с 1839 по 1851 г. жил и работал И.С. Тургенев». Некогда его звали «дом Лошаковского», сегодня - Остоженка, 37. Не тот ли это дом, где и разворачивались события, описанные в рассказе? Правда, Тургенев работал над «Муму», находясь целый месяц в полицейской камере 2-й Адмиралтейской части Петербурга под арестом за то, что напечатал в «Московских ведомостях» статью о смерти Гоголя, запрещенную цензурой. Но могло ли это помешать ему отправить героев рассказа в Москву?

Обратимся к воспоминаниям некоей Варвары Николаевны Житовой, непосредственной свидетельницы всего, что происходило в доме Тургеневых на протяжении двенадцати лет. В своих записках она называет себя воспитанницей Варвары Петровны Тургеневой, матери писателя. На самом же деле она была ее внебрачной дочерью и сестрой Ивана Сергеевича, хоть и по разным отцовским линиям. И если бы не было необходимости тщательно скрывать ее происхождение, то Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова (в замужестве - Житова) носила бы фамилию Берс, а отчеством была бы Андреевна. Эта удивительная женщина была не только сестрой И.С. Тургенева, но и свояченицей Л.Н. Толстого, а также единокровной сестрой его жены Софьи Андреевны. Кстати, отец ее, Андрей Ефстафьевич Берс, тесть

Л.Н. Толстого, некоторое время служил у Варвары Петровны Тургеневой домашним врачом.

Согласно воспоминаниям В.Н. Житовой, барыня (В.П. Тургенева) во время объезда своих дальних владений увидела как-то в поле, неподалеку от деревни Сычево (в 25 верстах от Спасо-Лутовинова) «гигантскую фигуру пахаря». На крики многочисленной свиты, сопровождавшей карету Варвары Петровны, он не обращал никакого внимания, и лишь когда им удалось добраться к нему в поле, стало ясно, что он ничего не слышит и не говорит. «Богатырь приглянулся Варваре Петровне, и она решила пополнить им свою дворню. Звали его Андреем». Далее В.Н. Житова писала: «Барыня щеголяла своим гигантом-дворником. Он был всегда прекрасно одет, и, кроме красных кумачовых рубашек, никаких других не носил. А зеленая блестящая бочка и красивая серая в яблоках породистая лошадь, с которыми он ездил за водой, были очень популярны у фонтана в Александровском саду. Там все признавали тургеневского немого и всегда встречали его знаками и жестами...»

Именно в камере дворника Андрея Варвара Петровна и увидела впервые маленькую собачку, умную и ласковую, безгранично преданную хозяйину.

Итак, выйдя, чтобы проводить Татьяну (кстати, о ее реальном прототипе ничего неизвестно), Герасим останавливается и возвращается к дому «вдоль реки». Если вспомнить, что он остановился на Крымском броду, то «вдоль реки» - значит, по ее левой стороне, нынешней Пречистенской набережной, а тогда просто по заросшему высокой травой топкому и илистому берегу. «Он шел тихо и глядел на воду. Вдруг ему показало, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезти из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой, сунул к себе за пазуху и пустился большими шагами домой». По всей видимости, чуть дальше вдоль реки. Именно так можно выйти к особняку В.П. Тургеневой.

Крымский брод появляется в рассказе еще один раз. Герасим, накормив свою любимицу в ближайшем трактире, выходит с ней на улицу. «Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. Отвязав от колышка чью-то старую, дырявую лодку, он посадил в нее Муму, положил на дно два кирпича, приваченных по дороге, оттолкнул посудину от берега и принялся грести с такой ожесточенной силой, что лодка быстро двинулась против течения».

Остоженка, 37. Дом В.П. Тургеневой - основное место действия рассказа «Муму».

«Против течения» - значит, вдоль сегодняшней Фрунзенской набережной, в сторону Лужников. «Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повелею деревней». Подобный пейзаж в то время мог соответствовать только Лужнецкой слободе. «Он бросил весла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним ...и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине. ...Наконец, Герасим выпрямился, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой, в последний раз посмотрел на нее...»

У Тургенева после гибели Муму Герасим уходит из Москвы. Реальной же прототип еще несколько лет продолжал верно служить своей хозяйке. В.Н. Житова вспоминала: «Он служил ей до самой смерти и никого, кроме нее, признавать госпожой не хотел. Однажды она подарила ему красную атласную ленту. Тогда Андрей поцеловал госпоже ручку и, уходя, показал пальцем на свою госпожу и ударил себя в грудь, что на его языке означало большую любовь к ней. Он даже простил ей смерть своей Муму».

Как видим, тургеневские персонажи - отнюдь не придуманные. И если в Петербурге, на Фонтанке, можно увидеть памятник Чижикову-Пыжику, то почему бы на Остоженке не увековечить Муму? Наверняка многие с удовольствием встретились бы с героиней этой знаковой о детства истории.

Андрей МАЛИНКИН
Фото автора